

Анатолий Иванов

Новое счастье

1

Павлу определенно не везло с самого утра. Перед началом работы Ваське Сиротину выдали наряд на изготовление сложной детали ротора турбины для одной из гидростанций, а ему, Павлу, пришлось обтачивать какие-то болванки. Хотя, если говорить честно, не болванки, а тоже очень важные части для той же турбины. Но их мог изготовить и начинающий токарь. А он, Павел, справился бы с работой и посложнее, и не хуже Васьки.

В глубине души Павел считал мастера Федора Михеевича, распределявшего наряды, несправедливым. Однако выбирать ему не приходилось.

Обточив несколько деталей, Павел покосился на запасные резцы. Среди них лежал один, несколько иной конструкции, придуманной самим Павлом. По его расчетам, этот резец был намного прочнее обычных, им можно работать на повышенных скоростях. Павел много ночей тайком просидел над своими несложными чертежами.

Вот уже пять дней, как резец готов, а испытать его он не решался.

Павел взглянул на Сиротина. Тот работал спокойно и сосредоточенно. И тогда Павлу захотелось удивить всех, показать, что он умеет работать не хуже Сиротина. Почти бессознательно он вставил новый резец и пустил станок. Сердце его замерло.

Резец мягко чертил по металлу, снимая ровную стружку. Павел в волнении закусил губу и прибавил оборотов.

И вдруг станок задрожал, в привычный шум работающего цеха врезался пронзительный скрежет, от которого сразу зашлись зубы.

— Что вы делаете? Деталь испортили!

Павел остановил станок и резко обернулся. Позади стояла незнакомая девушка в синем халате с почти такими же синими глазами и осуждающе смотрела на Павла.

Пораженная бледностью его лица и метнувшимся испугом в глазах, она невольно отступила.

— Что же вы? Деталь... — повторила она тихим, немного жалобным голосом, но Павел не дал ей закончить.

— Знаете что? Уходите отсюда, — еле сдерживая себя, тяжелым шепотом угрожающе произнес Павел. — А то я могу... настроение вам испортить...

Крепко сжатые губы Павла тоже побелели. Девушка быстро повернулась и, громко стуча каблуками туфель по цементному полу, выбежала из цеха.

На другой день, придя на работу, Павел прочитал приказ директора завода, в котором ему объявлялся выговор за самовольное применение резца неизвестной конструкции и грубое отношение к практикантке З. В. Сиротиной.

— Как же ты, брат Павел? — спросил Васька.

— Да вот так... Кто же знал, что она... практикант? — машинально ответил Павел и тут же почувствовал, что говорит глупость.

— Все надо знать, — поучающе заметил Васька. — Могу сообщить вам следующее: ее имя, отчество — Зинаида Владимировна, ленинградка, студентка четвертого курса, проходит практику у нас на заводе. Моя однофамилица, — добавил он таким тоном, точно именно это было самым важным из всего сказанного им сейчас. — Год рождения, согласно анкетным данным... Хотите знать ее полную биографию?

— Не хочу, — отрезал Павел и ушел в цех.

В течение всего дня Павел не мог успокоиться. Мысли его то и дело возвращались к практикантке, которой он нагрубил вчера. Было стыдно за свое поведение, за выговор. О взыскании теперь знали все рабочие и обязательно будут

говорить о нем на ближайшем комсомольском собрании. И потом — испорченная деталь! Брак! Вчера он один и допустил брак во всем цехе. Он, Павел, о ком поговаривали, что скоро, видимо, переходящий флажок «Лучшему токарю цеха» переключает от Васьки на его станок. В ушах еще сейчас звучали укоризненные слова Федора Михеича: «Эх ты... рационализатор. Не ожидал такого самовольства от тебя, Павел. Уж от кого бы другого...»

Практикантка Сиротина исполняла обязанности сменного инженера. В этот день она не подходила к Павлу. Не отрываясь от работы, он знал, в каком конце цеха она находится, что делает. Когда ее каблуки стучали за его спиной, Павел краснел и еще внимательнее следил за обрабатываемой деталью.

2

Следующий день был воскресный. Павел решил идти на рыбалку. С вечера он подготовил свой спиннинг, заточил несколько якорьков. По дороге с работы зашел в магазин «Динамо» и купил две новые блесны. А утром вдруг раздумал. Надев полотняную косоворотку с расшитым воротником, отправился бродить по городу.

До обеда Павел просидел в парке, наблюдая за игрой городошников. Потом направился на почтамт перевести деньги матери в далекую деревню под Комсомольском.

На душе у него было беспокойно. Мрачно поглядывая на пестрые вереницы текущих по тротуарам людей, он думал о маленькой деревушке, где прошло его детство. Тогда все было хорошо, все на своих местах. Вспомнился подернутый синеватой дымкой Амур, длинные вечера на реке, неотвязчивые тучи выводивших из терпения комаров. Ночью в реке играла рыба и горели крупные звезды.

Смотря на эти звезды в воде, Павел любил мечтать о своем будущем. За какое дело взяться ему после окончания десятилетки? Павел любил механику, математические науки. Может быть, поступить в какой-нибудь технический вуз? Но учеба в институте будет продолжаться пять лет, а кто же в это время станет помогать матери? Она стара, ей давно уж пора бросить работу уборщицы. Но мать все-таки трудится, чтобы дать возможность Павлу закончить десятый класс. Может быть, после школы поступить куда-нибудь на работу? Например, на завод. А как же дальнейшая учеба?

Наконец получен аттестат зрелости, а Павел так и не решил, что ему делать дальше. Мать сердцем поняла состояние сына и однажды робко,

участливо спросила:

— Ну вот, сынок, ты закончил школу. Что теперь будешь делать?

— Не знаю, мама. Устроюсь на работу куда-нибудь.

Мать несколько дней печально посматривала на Павла. Зайдя как-то утром в его комнатушку, она положила на стол большой сверток и сказала:

— Вот, примерь.

Павел развернул сверток: в нем был новый шерстяной костюм.

— Костюм? Где ты, мама, взяла столько денег?

— Откладывала из зарплаты помаленьку. В чем же в институт поедешь?

— В какой институт? Я не собираюсь, мама...

— Ладно, примеривай. Знаю я твои думки, сынок. Разве от материнского сердца скроешь их?

И Павел поехал в тот самый институт, о котором столько думал, сидя вечерами над Амуром.

Но здесь его постигла неудача. Павел не выдержал конкурса и не попал в институт. Подвела литература, по которой он получил оценку «три».

Все мечты рушились. Теплым августовским вечером он вышел из студенческого общежития и медленно отправился на вокзал, даже не сообразив, что у него нет денег на обратную дорогу. Вспомнив об этом на полпути, он остановился и растерянно

посмотрел вокруг. На ближайшей скамейке сидел старик с выцветшими усами, дымил трубкой. Павел подошел к нему и сел рядом.

— Дайте закурить, папаша.

Старик удивленно поднял брови, промычал что-то и насыпал на ладонь табаку. Павел долго и неумело свертывал папиросу, закурил и закашлялся.

— Давно куришь? — спросил старик.

— Первый раз в жизни.

— Так, так, — промолвил старик и замолчал.

— А ты, папаша, денег не дашь? А то костюм купи. Новый, шерстяной.

Старик растерянно заморгал, крикнул и отодвинулся, Но Павел не стал дожидаться ответа, бросил папиросу и сказал:

— В институт я не прошел по конкурсу.

— Как же ты так?

— Так вот. Литература. Ну, прощай, папаша.

— Постой, постой, — задержал его старик. — Тебе деньги-то зачем понадобились?

...Они долго сидели еще на скамейке — незнакомый старик, которого звали Федор Михеевич, и Павел. Говорил больше старик, а Павел молчал и слушал.

— Токарь — это все равно, что профессор твой, понял? — горячо доказывал старик, пуская в темноту табачный дым. — Дают тебе, к примеру,

болванку, кусок железа, а ты вещь из нее делаешь. Да такую вещь, что люди застывают в удивлении. Вон Васька Сиротин у нас... Шельмец, не хвалю, а на правильном пути человек.

Методы убеждения старика были несколько необычны, но Павел слушал внимательно. И ему казалось, что он давно знаком с этим человеком...

— Так поступай на наш завод, Павло. Приходи завтра утром и спроси в проходной мастера Михеича, меня, стало быть. Я перед директором слово замолвлю, чтоб в мой цех тебя...

— Я ведь, Федор Михеич, инженером хотел стать, — задумчиво произнес Павел.

— Да кто тебе мешает? — рассердился старик, со зла выколотил недокуренную трубку о край скамейки и снова набил ее табаком.

— Ты пойми: одно дело инженер институтский, не нюхавший металла, а другое — на заводе выросший, прямо у станка. Учиться и заочно можно. А ты уж крылья опустил, домой собрался...

Согласиться с мнением Федора Михеича, что «заводской» инженер лучше «институтского» Павел не мог, несмотря на многочисленные примеры, приведенные стариком. Однако и опровергнуть это он сейчас был не в состоянии. Опустив голову, Павел молчал.

— Ну, так как же? Решил?

— Нет еще.

— Тогда пойдём ко мне на квартиру, там решишь. Тут недалеко. Да пойдём же, не на улице ведь ночевать собираешься.

Федор Михеич поднялся и зашагал не оглядываясь. Павел посмотрел ему вслед, взял с земли чемодан и медленно пошел за стариком.

Об этой встрече со старым мастером Павел думал, пока наблюдал в парке за игрой городошников. Видимо, так уж устроена жизнь, что в трудную минуту обязательно встретишься с хорошим человеком.

Вспомнились также первые месяцы работы на заводе. Овладеть мастерством токаря оказалось не так-то просто. Порой Павел отчаивался и с горечью думал, что ему, видимо, не только институт, но и специальность токаря не по плечу. Несколько раз он хотел все бросить и уехать обратно на Дальний Восток. И, может быть, уехал бы, если бы не поддержали его Федор Михеич и Васька.

— Железо можно умом только победить и терпением, сердито шевеля усами, говорил мастер. — Ум у тебя вроде есть, а терпения не вижу.

— Молодо — горячо, — снисходительно усмехался Васька, хотя сам был даже на полгода младше Павла. Но тут же Сиротин гасил эту нотку превосходства профессионала перед новичком, подходил к Павлу вплотную и тихо говорил: